

кумир мой

Россия, 1995, - 5-11 апр. - с. 9

Из хрустальной глубины

Простой деревянный стул. На спинке как будто на минутку оставленные черное демисезонное пальто и шляпа. На полу зонтик с длинной, как трость, ручкой. Человек ушел. Сейчас вернется... А пока рабочие поднимаются на сцену Центрального Дома кинематографистов и развешивают большие фотографии на веревке, что протянулась из конца в конец огромной сцены, прикрепляя их белыми прищепками. Фотопортреты Иннокентия Смоктуновского: мальчик, юноша, в зрелости, в старости. Звучит его голос. Ловлю строки: «На свете смерти нет, есть только явь и свет... Вы, жившие на свете до меня, я век себе по росту выбирал».

Да, он выбрал век по росту, пройдя сквозь него во всех его обликах. Через все сердца. Блени. Вспышки. Взлеты. Провалы...

На экране среди битого кирпича, у стены, чудом сохранившейся еще от разрушаемого дома, человек, наверное, старик, роясь в мусоре, вытаскивает картонную коробку. Фотографии, фотографии. Он (в этой роли Смоктуновский) развешивает их на уцелевшей бельевой веревке, прикрепляя прищепками. Семейные фотографии: его жизнь. Он поднимает деревянный стул, такой же, как стоит на сцене, садится к нам спиной и вглядывается в фото-мгновения уже ушедшей жизни («Белый праздник»)...

Гаснет экран. Красный свет заливал сцену. И снова его голос, чуть глуховатый или поднимающийся до торжествующих нот. И снова экран. Так будет весь этот вечер в честь его семидесятилетия. Ему исполнилось бы столько. А сейчас только явь и свет. И он, проходящий через неповторимый век.

...Ленин в годину революции («На одной планете»). Деточкин - взрослый ребенок с упорством и целеустремленностью святого, трагикомический вершитель справедливости («Берегись автомобиля»). И его бессмертный предок принц Гамлет («Гамлет») с непрекращаемо гордым и гневным: «На мне играть нельзя!» И очкарик, лейтенант Фарбер в окопах войны. Это его глаза припомнит

тоже уже легендарный режиссер в поисках актера для роли князя Мышкина в спектакле «Идиот». Не известный еще никому провинциальный актер выйдет на ленинградскую сцену, чтобы сразу стать фантастически знаменитым.

Бессильно бунтующий Войницкий («Дядя Ваня») и гнусно кокетничающий Пал Пальч («Ночной гость»), стоящий вровень с веком, ироничный атомщик Куликов («Девять дней одного года») и несломленно поднявшийся перед напояющей тенью Бабьего яра Дамский портной (одноименный фильм)...

Сколько их вырывает из мрака кинолук! Вселенная. Параллельный мир. Высоты неистребимого человеческого духа и бездны бесовски соблазненных душ. Это все он в меняющихся обликах проходит через век в века. Пока опять не возникнут на экране уже виденные нами груды битого кирпича и он, сидящий к нам спиной. Голова его никнет. И так застывает. А перед экраном все стоит пустой стул. Он не придет?

Нет, нет! Не так! В коротком автобиографическом рассказе «Сенокос» он записал: «Часто поздним вечером на пологой крыше погреба, запрокинувшись на спину, лежал, радостно замирая под властью темного звездного неба, необъяснимо маясь, волнуясь от чуда мироздания, и Млечный путь, казалось, неотступно манил в свою хрустальную глубину, завораживая своей далью и обещающая в конце усилий, познания и труда приобщить к своему вечному мерцанию».

Там, в космосе, уже горит звезда, названная его именем. Он почувствовал, что будет там, наверху, в хрустальной глубине. Но его звезда (беру это слово в высоком метафорическо-поэтическом значении, а не в том пошлом, что в шоу-бизнесе) продолжает излучать немеркнущий свет, и здесь, на Земле, среди людей, которых он так любил, отдавая им свое вдохновение - драгоценнейшее богатство театра, кино и телевидения XX века.

Георгий КАПРАЛОВ